

Я убила маму **ДО ТОГО, КАК** **узнала правду**

В. К. Косс

18+

В.К. Косс

**Я убила маму до того,
как узнала правду**

«Автор»

2026

Косс В.

Я убила маму до того, как узнала правду / В. Косс — «Автор»,
2026

После смерти мамы я нашла документы об удочерении. Мне был тридцать один год, и до того дня я не знала, что родилась под другим именем. Женщина, оставившая меня в роддоме, оказалась жива. У нее был сын, которому она открывала дверь. Я искала у нее объяснения. Правду нашла только после ее смерти: в старом заявлении, возвращенных письмах и фотографии девушки, закрывающей лицо ладонью. Теперь я помогаю другим дочерям искать матерей. Я знаю, что они чувствуют. Во всяком случае, мне так кажется.

Содержание

Глава 1. Папка с завязками	6
Глава 2. Имя, которым меня не звали	9
Глава 3. Дверь	12
Глава 4. У нее есть сын	14
Глава 5. Вторая встреча	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

В.К. Косс

Я убила маму до того, как узнала правду

Все персонажи, организации и события вымышлены. Письма и документы, приведенные в романе, являются частью художественного сюжета.

Глава 1. Папка с завязками

В мамином шкафу я сначала разобрала лекарства. Срок годности у многих еще не вышел. Из-за этого выбрасывать их было труднее: упаковки обещали месяцы, которых у мамы уже не было.

Она умерла в августе, а шкаф я открыла после Нового года. Осенью я перевезла сюда свои вещи из съемной квартиры, но на ее полках почти ничего не трогала. Брала только полотенца с нижней. Однажды пришел счет за электричество на ее имя, и я заплатила, не переоформляя договор. Менять имя в квитанции я не спешила.

Коричневая папка лежала под скатертью. Две тесемки, выцветшие по сгибам. Я знала эту папку с детства: мама хранила в ней документы на квартиру и диплом техникума. В начальной школе мне разрешили приклеить на обложку переводную картинку с лошадью. От картинки осталась половина ноги.

Сначала все было знакомое. Квитанция за покупку холодильника. Страховка. Мое свидетельство об окончании музыкальной школы, которую я ненавидела последние три года.

Потом я увидела незнакомую фамилию рядом с датой своего рождения.

Анна Климова. Семнадцатое февраля тысяча девятьсот девяносто третьего года.

Я сверила дату дважды. Подумала о двоюродной сестре, о ребенке маминой подруги. Мама иногда брала чужие документы на хранение. Когда у соседки прорвало трубу, ее паспорт три недели лежал у нас между тарелками.

На следующем листе были имена Татьяны и Петра Тихоновых. Моих родителей. Слово, напечатанное посередине, я знала. Просто никогда не пробовала приложить его к себе.

Удочерение.

Я опустилась на пол. У шкафа пахло пылью, сушеной мятой и маминой кофтой. Из раскрытой дверцы торчал ремень халата. Вечером я еще подумала, что его надо постирать.

Телефон был на кухне. Мне пришлось встать, чтобы позвонить отцу.

Он ответил не сразу. На заднем плане женский голос спросил, кто звонит. Отец сказал, что Ася, и вышел куда-то, где стало тише.

— Я нашла бумаги, — сказала я.

— Какие?

Я прочитала ему название документа.

Он помолчал. За стенкой у него работал телевизор. Было слышно, как кто-то в передаче смеется.

— Твоя мама хотела сама тебе рассказать.

Мне стало нехорошо от того, что он назвал ее моей мамой с особенным нажимом, словно теперь это требовало уточнения.

— Когда?

— Ась, я не знаю. Мы давно не жили вместе.

Он ушел, когда мне было восемь. Переводил маме деньги, иногда забирал меня на воскресенье. Я помнила его больше по обещаниям приехать, чем по самим приездам. Но сейчас мне хотелось, чтобы он сказал что-нибудь уверенное. Например, что я неправильно прочитала бумагу.

— Ты мог рассказать.

— Это было общее решение.

— А ушел ты тоже по общему решению?

Он выдохнул в трубку.

Я положила телефон. Через минуту отец перезвонил, и я отключила звук.

Потом отец прислал сообщение: «Могу приехать». Я ответила, что не надо. Через несколько минут добавила: «Ты знаешь что-нибудь про ту женщину?»

Он позвонил. На этот раз я взяла трубку.

— Нам сказали, молодая. Не замужем. Больше ничего.

— Вам было достаточно?

— Нам важна была ты.

Я посмотрела на фотографию с моря, стоявшую на комод. Отца на снимке не было: он нас фотографировал. Мне вдруг захотелось, чтобы в тот день мама повернула фотоаппарат на него. Осталось бы доказательство, что он тоже там был.

— А потом перестала быть важна?

— Не надо так.

— А как надо?

Он долго молчал.

— Я ушел от Тани. Не от тебя.

Я слышала эту фразу с восьми лет. Раньше она иногда помогала, потому что приходилось выбирать между объяснением и пустотой. Сейчас я представила, как он закрывает за собой дверь и я остаюсь внутри вместе с человеком, от которого он ушел. На практике разницы было мало.

— Она была одна, когда болела, — сказала я.

— Ты была с ней.

— Вот именно.

— Ась, я не про это сейчас, — сказал он.

Я знала, про что он. Но остановиться не могла.

Он сказал, что любил меня. Я спросила, почему в прошедшем времени. Он поправился. После этого продолжать стало невозможно: я ловила его на словах, а он боялся произнести следующее.

Мы попрощались. Я еще держала телефон у уха, хотя он уже отключился. Потом положила его рядом с папкой.

На работе я сказала, что простыла. Борис Андреевич попросил только предупредить, если не выйду к четвергу: у нас лежала папка дипломов, которые обещали забрать до обеда. Я работала в переплетной мастерской. Книги с оторванными корешками, архивные подшивки, диссертации. Люди приносили рассыпавшиеся вещи и спрашивали, можно ли сделать так, как было.

Я обычно отвечала: постараемся.

Я поймала себя на том, что жду такого же ответа от отца.

Подруга Надя зашла после смены с супом в банке. Я открыла ей в старом халате, который успела снять с маминого крючка и надеть на себя.

Надя не стала говорить, что это ничего не меняет. Она долго читала листы, придерживая пальцем край, чтобы не свернулся.

— Ты будешь ее искать?

До этой минуты я думала только о маме. О том, как она стригла мне ногти. Как говорила врачу: «У нас на этот антибиотик сыпь». Как поправляла в анкете мое отчество, если я писала слишком торопливо.

Теперь в комнате появилась другая женщина. Никакого лица у нее еще не было.

— Здесь написано, что она отказалась, — сказала я.

— Я вижу.

— Добровольно.

Надя закрыла папку.

— Это слово в документе. Мы больше ничего не знаем.

Мне не понравилось ее спокойствие. Я хотела, чтобы она возмутилась вместе со мной. Или сказала, что все непременно объяснится и окажется не таким страшным.

Вместо этого Надя спросила, куда поставить суп.

Я показала на холодильник.

Ночью я разложила документы на маминой кровати. Все, что касалось Анны Климовой, положила отдельно. Потом испугалась, что листы перепутаются, и подписала конверт: «Мое».

Рядом остались открытка с Восьмым марта, счет за памятник, мамин последний рецепт. Я подвинула их к конверту, потом убрала обратно в папку.

Перед рассветом я нашла в интернете адрес учреждения, куда собиралась написать. Составила запрос, стерла, составила еще раз. В первом варианте было: «Прошу сообщить сведения о женщине, оставившей меня». Во втором: «О моей биологической матери».

Я отправила второй.

Потом пошла на кухню и обнаружила, что всю ночь не включала холодильник после уборки. Банка Надиного супа была теплой.

Я села на табурет с теплой банкой в руках и заплакала. Мама непременно заставила бы меня вылить суп, а я стала бы спорить: ничего ему за одну ночь не сделалось. Так ясно услышала ее голос, что посмотрела на дверь.

Глава 2. Имя, которым меня не звали

Свой день рождения я провела в очереди. До обеда носила бумаги из одного кабинета в другой, а потом зашла в кафе у остановки и купила кусок медовика. Девушка спросила, нужен ли контейнер. Я сказала, что съем здесь. Потом не осилила и попросила все-таки завернуть остаток.

В тридцать два года мне снова пришлось подтверждать, что я — это я. Паспорт, копия свидетельства, заявление. Сотрудница за столом не была ни злой, ни особенно сочувствующей. Она объясняла, каких документов не хватает, и ждала, пока я запишу.

Самое трудное оказалось не ждать. Самое трудное — отвечать на вопрос, почему я обратилась только сейчас.

— Раньше не знала.

Сотрудница кивнула так, будто слышала это часто. Мне хотелось спросить, правда ли часто. Скольким людям приходилось в моем возрасте искать женщину, от которой они получили цвет волос и незнакомую фамилию.

Вместо этого я убрала ручку.

Пока шли ответы, я продолжала работать. Клей засыхал на большом пальце, заказчики путали номера квитанций, Борис Андреевич ругался на поставщиков картона. Все это было спасительным и оскорбительным одновременно. Я ловила себя на мысли, что он должен был заметить, как я изменилась. Но он попросил нарезать полосу ткани, и я нарезала.

Надя держалась рядом без лишних вопросов. Только перестала при мне шутить про семейное сходство, хотя раньше говорила, что мы с Татьяной Павловной одинаково хмуримся на счета.

Я нашла наши фотографии. На одной мне было около пяти, и мама держала меня на руках у моря. С плеча у нее сползала ручка сумки, сандалии были набиты песком. Я помнила эту поездку: мне не разрешили увезти домой медузу.

Никакой лжи на фотографии не было. Это сердило сильнее всего. Я не могла назначить день, с которого все стало неправильным.

Вечером семнадцатого февраля я все-таки зажгла свечу. Нашла ее в ящике, рядом с резинками для пакетов. Мама хранила там все, что могло когда-нибудь понадобиться. Свеча была в форме цифры семь: от моего двадцать седьмого дня рождения. Отдельной тройки не нашлось.

Я поставила ее в остаток медовика. Позвонила Надя, спросила, почему я не открываю дверь. Она стояла на площадке с цветами.

— Ты чего без света? — спросила она, войдя.

Я показала на торт. Она посмотрела на семерку и села напротив.

— Семь тоже хороший возраст.

— У меня тогда еще была мама.

— У тебя и в двадцать семь была.

Я кивнула.

В последний день рождения при маминой жизни она едва ходила. Мы еще не знали, что лечение больше не помогает. Вернее, я не знала, а мама, возможно, догадывалась. Она настояла, чтобы я приехала с пирогом, и потом заставила меня забрать остатки: не будет она столько есть. Я рассердилась. Уговаривала ее хоть раз принять заботу, не отчитывая, сколько я потратила.

Сейчас я вспоминала не разговор, а ее пальцы на коробке. Большой палец был намазан мазью и обернут пластырем. Она старалась отрезать край скотча, чтобы сохранить коробку целой. Даже тогда.

Я рассказала об этом Наде.

— Она любила тебя, — сказала та.

— Знаю.

— Я знаю, ты сейчас не об этом.

Я подвинула ей тарелку. До ее прихода собиралась обидеться, если она скажет про любовь, и теперь не знала, куда девать приготовленный ответ.

Мы разделили медовик. Надя не заставляла загадывать желание. Только придержала свечу, пока я дула: в креме она стояла плохо и все время клонилась ко мне.

Ответ пришел в начале марта. Имя матери, год рождения, старый адрес. Елена Сергеевна Климова.

Я искала ее по-разному. Перебирала однофамилиц, открывала страницы с чужими детьми, звонила в приемные, где меня просили сформулировать цель обращения. На одном снимке женщина подходящего возраста стояла возле школьной доски. На другом показывала рассаду. Я задерживалась на лицах слишком долго. Пробовала узнать то, чего никогда не видела.

Старый адрес оказался в соседнем районе области, в двух часах езды от Бережска. Дом сохранился, но нужной семьи давно не было. Я съездила туда в субботу, соврав Наде, что навещаю отца.

Пожилая соседка вышла на площадку с пакетом мусора. Услышав фамилию, сразу уточнила:

— Лена или Лида?

— Лена.

— Так она Соколова давно. Вы из больницы?

— Нет. По личному делу.

Соседка посмотрела на мои ботинки. Они промокли, потому что я не заметила лужу возле подъезда.

— Миша-то у нее умер. А сын в городе. Семен. Подождите, я поищу.

Она вынесла старый блокнот. Номер был записан шариковой ручкой между мастером по окнам и участковой медсестрой.

Я не стала звонить из подъезда. Отошла до киоска, возле которого мужчина ел пирожок, и набрала.

— Да, — сказала женщина.

Голос был низкий, чуть хриплый. Я почему-то ждала свой.

— Мне нужна Елена Сергеевна Соколова.

— Я слушаю.

— Это Анастасия Тихонова. Мы с вами не знакомы.

— По какому вопросу?

Я смотрела на расписание автобусов. Цифры прыгали.

— Я родилась семнадцатого февраля девяносто третьего года. В документах меня звали Анна Климова.

В трубке стало тихо. Мужчина у киоска смял бумажный пакет и попытался попасть им в урну. Не попал.

— Вы ошиблись, — сказала женщина.

— У меня документы.

Она отключилась.

Я перезвонила. Потом еще раз. На третий звонок пошли короткие гудки.

Домой я вернулась поздно. Поставила мокрые ботинки возле батареи, хотя мама всю жизнь запрещала: кожа треснет. Утром обнаружила, что на носке появилась тонкая светлая полоска.

Я написала Елене сообщение и несколько раз перечитала, проверяя, не прозвучало ли обвинение.

«Я не прошу денег. У меня все хорошо. Мне нужно только поговорить».

Отправив, заметила, что написала «хорошо» с ошибкой. Удалила сообщение у себя, чтобы не видеть, но у нее оно осталось.

Ответ пришел на следующий день.

«Не звоните мне больше».

Я перечитывала его на работе, стоя возле пресса. Мне казалось, что это еще не настоящий отказ. Она не видела меня. Не слышала, как я рассказываю. Может быть, если увидит меня, ей будет легче.

До конца смены я придумала для нее четыре оправдания. Вечером нашла адрес по сведениям, которые дали соседи. Проверила номер дома на карте и сохранила маршрут.

Потом открыла шкаф. Долго выбирала между синим платьем и серым костюмом. Я хотела выглядеть так, чтобы ей не было стыдно открыть мне дверь.

Глава 3. Дверь

На площадке у нее стоял детский велосипед без переднего колеса. Я подумала: внук. Потом разозлилась на себя за то, как быстро успела придумать ему лицо.

Кнопка звонка западала. Я нажала один раз, подождала и слышала шаги.

— Кто?

— Анастасия. Я вам звонила.

Замок повернулся не сразу. Дверь открылась на длину цепочки.

В щели было видно половину ее лица. Короткие волосы с неровно отросшей краской, родинка у края губы. Она смотрела не так, как я представляла. В ее взгляде не было узнавания. Она держала пальцы на цепочке.

— Я просила вас не приходить.

— Вы просили не звонить.

Я слышала собственный голос и захотела начать заново. Не так. Мне уже тридцать два года, я умею разговаривать. Я даже заготовила начало.

— Извините. Я очень волнуюсь.

Она молчала.

— Можно войти на пять минут?

— Нет.

За ее спиной работал телевизор. По полу прошла полоса света, будто в соседней комнате сменился кадр.

— Я не буду ничего требовать, — сказала я. — Я просто хотела вас увидеть.

Елена посмотрела мне в глаза. До этого смотрела на переносицу или ниже. Я заметила, как она отодвинулась от двери.

— Вы увидели.

Локоть ее кофты был испачкан мукой. Я никак не могла отвести от него взгляд. Пока я выбирала платье и ехала через весь город, она пекла что-то обычное. Ожидала вечер, в котором меня не было.

— Вы не хотите хотя бы спросить, как я жила?

— Нет.

Ответ вышел слишком быстрым. Ее пальцы дернулись на цепочке.

— То есть вам все равно?

— Я не могу с вами говорить.

— Почему?

— Потому что не могу.

На лестнице хлопнула дверь. Наверху кто-то спускался с собакой. Елена посмотрела через мое плечо, и я отступила, чтобы пропустить мужчину. Пока он проходил, мы обе замолчали, словно были знакомыми людьми, которым неловко продолжать личный разговор при чужом.

Мужчина ушел. Собака остановилась возле моего пакета, понюхала коробку с пирогами.

Я забыла о коробке. Держала ее с самого автобуса.

— Возьмите, — сказала я.

— Не надо.

— Я их уже купила.

— Пожалуйста, уходите.

Я поставила коробку возле порога. Елена не подняла ее.

Дома я мыла руки, пока не кончилась горячая вода. Потом открыла папку с документами и снова прочитала дату отказа. Мне казалось, на бумаге должно быть продолжение: отказалась, потому что. Но там стояла только подпись.

Надя пришла вечером. Я сказала, что ездила к Елене.

— Она ведь просила не приезжать, — ответила Надя.

— Ты сейчас серьезно?

— Да. Ась, я понимаю, как тебе больно. Но если она не готова...

— У нее было тридцать два года.

Надя убрала со стола коробку с салфетками, чтобы поставить чашку.

— Я не знаю, что у нее было.

— У нее был сын. Соседка сказала. Для него она была готова.

Я произнесла это впервые. Сын. У женщины, которая не хотела знать, как я жила, оказался другой ребенок.

Надя спросила, есть ли у меня фотография. Я показала страницу, которую нашла по фамилии Соколова. Молодой мужчина стоял возле разобранного мотоцикла. В списке родственников была Елена. Профиль закрытый, аватарка маленькая: она и седой мужчина у воды.

— Может быть, он младше, — сказала Надя.

— Он и есть младше. Ему двадцать шесть.

— За шесть лет многое могло измениться.

Я посмотрела на нее.

— Например, я могла перестать ей мешать?

Надя осторожно поставила чашку. Я ждала, что она начнет собираться.

Она осталась. Посидела рядом, потом помогла вымыть посуду. Перед сном написала: «Ты мне все равно звони, даже если мы ругаемся».

Я прочитала и отложила телефон экраном вниз.

Через три дня Елена позвонила сама. Я была в маршрутке и едва не проехала свою остановку.

— Коробку вашу забрала соседка, — сказала она. — У нас внизу собаки. Не оставляйте больше еду на полу.

Я ждала, что она добавит что-то еще. Спросит, не слишком ли обидела. Предложит приехать в другой день.

— Хорошо, — ответила я.

Она не положила трубку.

— Вы сказали, у вас все хорошо.

— Да.

— Это правда?

Маршрутка резко затормозила. Я ударилась плечом о поручень и не сразу поняла, почему у меня потекли слезы.

— Мама умерла в августе, — сказала я. — Та, которая меня вырастила.

Елена тихо втянула воздух.

— Я не знала.

— Вы и не спрашивали.

Она выдержала паузу.

— Не приходите пока. Мне нужно время.

Слово «пока» я потом повторяла весь вечер. В нем помещалось все, чего я хотела.

Глава 4. У нее есть сын

Семена я увидела раньше, чем он меня. Он вышел из магазина с большой бутылкой воды и замер возле машины, пытаясь открыть багажник занятыми руками.

Я узнала его по фотографии. До этого два часа сидела напротив маминого подъезда, убеждая себя, что случайно выбрала эту кофейню. Кофе был кислый, батарея под столом обжигала колено. Уходить я не хотела.

Семен поставил воду на асфальт. Из подъезда вышла Елена в короткой куртке и принесла ему серую сумку. Он что-то сказал, она засмеялась и толкнула его ладонью в плечо.

Я никогда не видела ее смеющейся.

Между ними не произошло ничего особенного. Она поправила сумку в багажнике, он взял у нее пакет. Потом нагнулся и поцеловал в висок. Елена стояла у машины, пока он не выехал со двора.

Мне хватило бы этого. Серой сумки, пакета, поцелуя на бегу. Я не собиралась отнимать у него ничего. Хотела, чтобы после его отъезда она подняла голову, увидела меня за стеклом и помахала: иди сюда.

Она ушла в подъезд.

Я просидела еще десять минут и позвонила. Елена не ответила.

На следующий день я снова открыла страницу Семена и написала, что хотела бы обсудить семейный вопрос. Ответ пришел вечером.

«Вы кто?»

Пальцы похолодели. Я набрала: «Возможно, твоя сестра». Посмотрела на эти слова. Удала. Написала иначе:

«Мне нужно поговорить с Еленой Сергеевной о событиях 1993 года. Она пока не готова. Если вы сможете передать, что я не хочу причинять ей неприятности...»

Семен позвонил через пять минут.

— Объясните нормально.

Я рассказала. Сначала путалась, потом начала перечислять документы, будто принимала заказ. Дата, фамилия, место рождения, отказ, удочерение. Семен слушал молча.

— Мама никогда не говорила.

— Мне тоже.

Он не понял, что я имею в виду. Я пояснила про Татьяну Павловну.

— Мне надо с ней поговорить, — сказал он.

— Только не ругайтесь.

Я произнесла это почти с благодарностью. Он мог сейчас позвонить ей, и она бы взяла трубку. Я ждала, что он спросит ее обо мне.

Вечером Елена написала мне сама.

«Не трогайте моего сына».

Я долго смотрела на слово «моего». Ни в одном сообщении она еще не назвала меня дочерью.

Я ответила: «Я ему ничего плохого не сделала».

«Он здесь ни при чем».

«А я при чем?»

Дальше переписка оборвалась.

На работе я испортила обложку. Нанесла слишком много клея, ткань вздулась, пришлось все снимать. Борис Андреевич не ругался. Попросил сначала сделать перерыв, а потом возвращаться к заказу.

— У тебя руки трясутся, — сказала Надя в подсобке.

— Кофе выпила.

— Ты третий день почти не ешь.

Она развернула бутерброд и отдала мне половину. Я жевала, не чувствуя вкуса. Мама всегда клала мне с собой яблоко, даже когда я стала работать. Сначала я раздражалась, потом привыкла. Теперь я сама покупала яблоки и забывала их дома.

Вечером позвонил отец. Спросил, можно ли заехать в выходные. Я согласилась и тут же пожалела: предстояло либо накормить его, либо объяснять, почему не хочу.

Он привез продукты. Поставил пакет на пол и остановился посреди прихожей. После маминей смерти бывал здесь дважды, но вел себя так, будто боялся нарушить чей-то порядок.

— Нашла? — спросил он.

Я кивнула.

— И как?

— У нее сын. Сына она забрала домой.

Отец потер лоб.

— Ась...

— Не надо говорить, что все бывает.

— Я хотел сказать: ты не обязана продолжать.

У меня вырвался короткий смешок.

— Удобно. Сначала не обязаны рассказывать, потом я не обязана спрашивать.

Он сел на край табурета. Достал из пакета хлеб, посмотрел на него и положил обратно.

— Мы испугались, что ты захочешь уйти. Когда маленькая была. А потом каждый год становилось труднее сказать.

— Я бы не ушла. Мне было пять.

— Знаю.

Он не добавил оправдания. Я смотрела на его седую щетину. Еще недавно отец мог появиться здесь, открыть холодильник, спросить, что у нас есть. Теперь сидел на краю табурета и ждал следующего вопроса.

Перед тем как уйти, отец спросил про мамину швейную машину. Я ответила, что стоит на антресоли.

— Я ей покупал, — сказал он.

— Знаю.

— Долго тогда выбирали.

Я подумала, что он хочет забрать, и напряглась. Он заметил.

— Нет, мне не надо. Просто вспомнил.

Мы помолчали. Потом он рассказал, как они везли эту машину через весь город, потому что магазин не доставлял. Мама несла педаль и документы, он — сам корпус. Дважды останавливались. В последний раз прямо на снегу у подъезда.

Я эту историю знала. Только раньше пропускала, как они останавливались прямо на снегу. Теперь представила маму с педалью под мышкой и отца, который никак не может разогнуть пальцы. Они ведь тогда еще шли в одну квартиру.

— Ты говорил ей про папку? Перед смертью.

Отец покачал головой.

— Она спросила, не сможешь ли ты меня возненавидеть. Я ответил, что не смогу.

— А меня спросить не подумали.

— Не подумали.

Мне не понравилось, как легко он согласился. Я уже приготовилась спорить, а отец сидел, опустив голову. Пришлось спросить, не хочет ли он чаю.

В прихожей он наклонился к ботинкам и долго искал рожок. Я подала. Он поблагодарил, будто пришел к малознакомым людям.

— Я не хочу, чтобы ты исчез, — сказала я.

Отец выпрямился.

— Я не исчезну.

Мне было восемь, когда я слышала это в первый раз. Я не стала ему напоминать. Попросила только писать перед приездом и не привозить столько еды: она портится.

Он кивнул. Уже за дверью я услышала, как он негромко ругнулся, наступив в ведро, оставленное уборщицей. Я почти улыбнулась. Потом мне стало стыдно, что это первый живой звук, которому я рада за весь наш разговор.

После его ухода я позвонила Елене. Она ответила.

— Я больше не буду писать Семену, — сказала я. — Но мне надо понять, почему вы меня оставили.

Она молчала так долго, что я проверила экран.

— Давайте встретимся, — наконец сказала она. — Только не дома.

— Где?

— Я напишу.

Я впервые за много недель легла до полуночи. Перед сном вынула из шкафа синее платье и обнаружила на рукаве белую полосу клея.

Глава 5. Вторая встреча

Кафе выбрала Елена. Небольшое, возле трамвайного кольца. Я приехала раньше, села лицом к входу и положила телефон на стол экраном вверх.

Она опоздала на семь минут. Первое, что сказала:

— Ненадолго. У меня смена.

Я знала, что она работает в школьной столовой. Нашла фотографию на странице школы, увеличила: несколько женщин в белых колпаках держали противни. Елена стояла с краю. Мне тогда понравилось, что она умеет кормить много людей. Потом я вспомнила пирожные у ее двери.

— Что будете? — спросила я.

— Чай.

— Какой?

— Обычный.

Я заказала два черных чая и ватрушку. Попросила разрезать ее пополам, хотя Елена сказала, что не хочет. Официантка принесла два блюда. Моя половина была чуть больше. Я развернула блюдо, чтобы она не заметила.

Вблизи она выглядела старше фотографии. Под глазами лежали тени, кожа на руках была сухой, с маленькими красными трещинками у ногтей. Я испугалась, что буду плакать, и заговорила быстро.

Про школу, музыкальную, работу. Про Татьяну Павловну: работала бухгалтером, любила помидоры с солью, упрямо покупала мне сапоги на размер больше. Про отца почти ничего. Рассказала, как Надя принесла суп, когда я нашла папку. Добавила, что люблю свою работу. Я хотела произвести впечатление человека, с которым все получилось.

Елена слушала, сжимая чашку ладонями. Один раз переспросила название улицы, на которой я выросла.

— А до переезда где?

Я назвала другой город.

Она опустила глаза.

— Понятно.

— Вы знали, куда меня забрали?

— Нет.

— Но могли узнать?

Она покачала головой.

— Это не так делается.

Я услышала в ответе желание закончить разговор и поспешила задать следующий вопрос.

— Почему вы не оставили меня?

Елена положила ложку вдоль края блюда. Пальцы на мгновение остались без дела, потом взялись за бумажную салфетку.

— Мне было восемнадцать, когда ты родилась.

Она сказала «ты». Я ухватила за это раньше, чем за возраст.

— Мама вырастила меня почти одна. Отец ушел.

— Я рада, что она тебя вырастила.

— Вы не ответили.

Я хотела повторить вопрос, но увидела, как она комкает салфетку.

— Вы помните, сколько я весила?

Елена подняла глаза.

— При рождении?

— Да.

Она назвала вес. В выписке стояло то же число. Я знала, но все равно испытала странную радость: нашлось что-то, что она помнила без бумаги.

— А волосы были?

— Немного. Темные.

Я провела рукой по виску.

— Мама говорила, рыжие были. Значит, уже потом.

— Возможно.

Она глядела на мои пальцы. Я специально положила ладонь ближе к ней. Не собиралась касаться, просто хотела, чтобы она увидела: рука у меня обычная, теплая, к ней можно прикоснуться.

Елена убрала свою под стол.

— А у вас кто-нибудь жив? Из родителей?

— Нет.

— Вы меня с ними знакомили? В роддоме.

Она посмотрела на меня так, будто я спросила о месте, которого не существует.

— Моя мать приходила. Отец нет. Он вообще не приходил.

Я начала представлять женщину возле стекла, маленькую себя по другую сторону. Спросила, на кого была похожа бабушка.

— Больше на Лиду, мою сестру, — сказала Елена.

— Можно познакомиться?

Она помедлила.

— Не сейчас. Давай сначала мы.

Я кивнула. «Сначала мы» — значит, потом будет еще кто-то. Лида, может быть, Семен. Я улыбнулась ей. Елена быстро опустила глаза.

За соседним столиком зазвонил телефон. Мужчина громко сообщил, что сидит на совещании. Я ждала, когда он закончит, будто это он мешал нам договориться.

— Я не могла, — сказала Елена.

— Не хотели?

— И не могла, и не хотела. Тогда я не различала.

Я отодвинула блюдце.

— А Семена хотели?

Она подняла голову.

— Не надо его сюда.

— Почему? У вас получилось стать матерью. Просто не моей.

Елена побледнела. Некоторое время смотрела на мою ватрушку, потом тихо сказала:

— Ты очень похожа.

Я почувствовала облегчение. Наконец-то хоть что-то общее. Мне захотелось подвинуться ближе.

— На вас?

Она покачала головой.

— На кого?

Елена встала.

— Я не могу сейчас.

— Вы же сами предложили встретиться.

— Предложила. Думала, смогу.

Я схватила ее за рукав. Недолго, только чтобы удержать. Она резко выдернула руку, и в чашке дрогнул чай.

Официантка посмотрела на нас.

— Не трогай меня, — сказала Елена.

Я убрала руки под стол.

Она достала деньги. Несколько купюр и мелочь. Положила возле чашки, хотя я успела заплатить у стойки.

— Я напишу тебе, — сказала она. — Не приходи без предупреждения.

— На кого я похожа?

Она уже надевала куртку. Ответа я не получила.

Деньги остались на столе. Я пересчитала их и обнаружила, что она оставила за двоих.

В мастерской Надя спросила, как прошла встреча. Я сказала, что Елена заплатила за мой чай.

— Это хорошо?

— Не знаю.

Про рукав я промолчала. Надя стала бы спрашивать, зачем я схватила Елену, и мне пришлось бы объяснять еще и это.

Через неделю Елена прислала фотографию старого конверта. На нем был адрес учреждения в другом городе и штамп возврата. Подпись: «Я искала».

Снимок вышел размытым. Я разглядывала его, пока не разрядила телефон. На конверте стоял две тысячи восьмой год. Мне было пятнадцать. Я жила с мамой, готовилась к экзаменам, ненавидела свои волосы. Где-то в это время эта женщина написала мое первое имя и ждала ответа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.